

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΔΕΥΤΕΡΟΣ

ВІЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

DPK

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля
Ординарного Академика.
Пр.-Док. Сиб. Университета.

ТОМЪ II.

Съ 9 рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1895.

КОММЕССИОННЕНЬ

С - Петербург

С.-Петербургъ.

Lajugie.

C. Ricker, Königsberger Str. 20.

О Тайной Исторії Прокопія.

(Продовженіе) ¹⁾.

Что касается первыхъ пяти главъ Тайной Исторії, то онѣ представляютъ изъ себя настолько очевидное дополненіе къ *Vandalica*, второй книгѣ *Persica*, третьей книгѣ *Gothica*, наконецъ къ 10-й и слѣдующимъ главамъ второй книги *Vandalica*, что не нуждаются въ открытыхъ ссылкахъ для доказательства ихъ связи съ Исторіей Войнъ. Впрочемъ, этихъ ссылокъ тамъ достаточное число ²⁾). Переходя отъ Велисарія и Антонини къ Юстиніану и Феодорѣ, авторъ Тайной Исторії при удобномъ случаѣ не забываетъ сослаться на Исторію Войнъ. Всѣ эти ссылки выражены словами *ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις* и относятся преимущественно къ *Persica* ³⁾). Формула *ῶσπερ μοι εἴρηται ἐμπροσθεν* означаетъ уже ссылку на предыдущія главы Тайной Исторії ⁴⁾), хотя обыкновенно въ такихъ случаяхъ авторъ говоритъ просто: *ὡς εἴρηται* или *ὡς ὑπεῖπον* ⁵⁾). Начиная съ Ап. 111₁₂, ссылки становятся менѣе ясными и формулы ихъ теряютъ прежнюю точность. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдельности. Разсказывая о разливѣ р. Скирта и о несчастіяхъ жителей г. Эдессы, авторъ ссылается на свое прежнее изложеніе этого факта въ обычной формули *ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις*. Мы видѣли, что эти слова постоянно означаютъ ссылку на Исторію Войнъ; но тамъ эпизода о разливѣ Скирта не находимъ, тогда какъ въ *De Aedificiis* таковой имѣется на лицо, и притомъ весьма подробный ⁶⁾). Естественно отсюда заключить,

1) См. Визант. Врем. II, стр. 24 сл.

2) Ап. 12₁₄ 13₁₅ (14₃ cf. Vand. I, 362) (15) 16₁₁ 21₆₋₁₈ 23₁ 30₂ 36₁₄ (37) 39₈ 41₄₋₁₅ (42).

3) Ап. 45₂ 47₂ 73₆₋₁₃ 78₁₀ 79₄ 96₁₀₋₁₈ 105₄₋₁₃ 96₁₈ *ἐν τοῖς ἐγκάριοις δεδιήγηται λόγοις.*

4) Ап. 86₁₉ cf. Ап. 72? 108₁ *ἡδη μοι ἐμπροσθεν δεδιήγηται* cf. Ап. 35 sqq.

5) Напр. 105₁₁ 143₅.

6) Aedif. II c. 7.

что авторъ Тайной Исторії ссылается на «Постройки». Это мѣсто является единственнымъ доказательствомъ для тѣхъ изслѣдователей, которые считаютъ Тайную Исторію написанной позже «Построекъ». Такъ думаетъ Данъ и настаиваетъ, въ рецензіи на работу Haury, на значеніи даннаго мѣста, какъ неопровержимаго доказательства ложности новой даты¹⁾. Такого значенія за разбираемой ссылкой признать нельзя, потому что совершенно не ясно, имѣемъ ли мы дѣло съ ссылкой на «Постройки». Не говоря уже о доказательствахъ, которыми оправдывается новая дата Тайной Исторіи, формула *ἐν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις* во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ даннаго спорнаго, означаетъ ссылку на Исторію Войнъ. Тайная Исторія нигдѣ не содержитъ упоминанія или намека на сочиненіе «О постройкахъ», кромѣ этого спорнаго мѣста, даже въ *prooemium*, гдѣ съ полнымъ правомъ можно было бы ожидать, что авторъ объяснить читателю свое отношеніе къ хвалебному описанію построекъ Юстиніана, разъ онъ оправдывается по поводу Войнъ. Этотъ фактъ былъ замѣченъ еще Эргардтомъ, хотя тотъ не подозревалъ о возможности новой даты. Чтобы объяснить затруднительную ссылку, Гори обратилъ вниманіе на то, что и въ Исторіи Войнъ есть нѣсколько страницъ объ Эдессѣ и объ исторії этого города до вторженія Хозроза въ 542 г.²⁾. Въ концѣ послѣдней изъ этихъ страницъ существуетъ несомнѣнная лакуна, отмѣченная издателями, какъ скрывающая подъ собою значительное количество текста. Гори считаетъ возможнымъ, что въ утраченномъ пассажѣ находилось и извѣстіе о гибельномъ для жителей разливѣ Скирта. Этотъ фактъ случился въ 523 году, о немъ говорятъ многіе источники³⁾, и автору Persica онъ долженъ быть извѣстенъ. Привлеченное мѣсто Persica содержитъ апокрифическое сказаніе о посланіи Христа къ Авгарю, обѣщавшемъ, что Эдесса навсегда останется неприступной для враговъ. Прокопій замѣчаетъ, что Эдесса была подъ властью Персовъ, хотя благодаря измѣнѣ, а не силѣ оружія; затѣмъ слѣдуетъ лакуна. Текстъ возобновляется на полуфразѣ: Прокопій выражаетъ мнѣніе, что Христосъ не оставитъ вѣру Эдесцевъ не оправданной. Контекстъ не даетъ возможности судить, насколько возможно пред-

1) Berl. Wochenschr. für die class. Philologie, 1892, № 6: «Freilich aber widerlegt diese Thatsache alle die zum Theil recht hübsch erdachten Gründe für die Entstehung der Geheimgeschichte von den Bauwerken».

2) Pers. II, p. 209.

3) Malal. p. 418. Evagr. IV c. 8. Theoph. s. a. 6017. Ср. Aedif. I. c. p. 228₂₂ ποτέ и 229₅ εὐθύς.

ложеннюе Haigу объясненіе. Оно, повидимому, не можетъ быть доказано. Впрочемъ, достаточно ясно, что ссылка о разливѣ Скирта не можетъ имѣть такого значенія, какое ей присвоивается Даномъ, и не можетъ быть противополагаема ряду убѣдительныхъ доказательствъ, которыми подтверждается новая дата. Отсутствіе въ Тайной Исторіи упоминаній о «De aedificiis» и употребленная авторомъ формула «εν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις требуютъ признанія того, что и въ данномъ мѣстѣ о разливѣ Скирта авторъ Тайной Исторіи ссылается на Persica. Продолжая наше изученіе, мы встрѣчаемъ на той же страницѣ ссылку на Gothica въ обычной формѣ «εν τοῖς ἐμπροσθεν λόγοις¹⁾», но въ слѣдующемъ случаѣ²⁾ та же самая формула отсылаетъ къ разсказу о растратѣ собранныхъ Анастасіемъ сокровищъ³⁾), хотя объ этомъ, по видимому, Прокопій остерегся говорить въ «Войнахъ»; и Алеманнъ, чтобы оправдать это извѣстіе, приводитъ такую цитату, что она вмѣсто того, чтобы подтвердить ссылку, заставляетъ усомниться, относится ли она именно къ «Войнамъ», и приходится отнести ее къ Тайной Исторіи⁴⁾). Ссылка о Трибоніанѣ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, не ясна⁵⁾). Ссылка о praefectus praetorio Фокѣ относится къ Persica⁶⁾), и формула приложена точно. Но на стр. 136 ссылка должна относиться къ Тайной Исторіи⁷⁾.

Изученіе ссылокъ позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Во-первыхъ, содержаніе Исторіи Войнъ Прокопія было извѣстно автору Тайной Исторіи до послѣдняго факта. Однако это не можетъ считаться положительнымъ и полновѣснымъ доказательствомъ въ пользу принадлежности Тайной Исторіи Прокопію. Противники могутъ отвѣтить, что подражатель былъ искусенъ, и продолжать оспаривать подлинность Тайной Исторіи. Замѣтная во многихъ мѣстахъ близость самыхъ выраженій съ одинаковымъ правомъ можетъ быть сочтена за аргументъ въ ихъ пользу⁸⁾). Объ этомъ уже была рѣчь выше. Поэтому, кажется, напрасно Тейфель и Данъ⁹⁾ придаютъ явнымъ и

1) An. 111₁₅; cf. Goth. III, p. 398.

2) An. 113₁₂.

3) Vand. I, 350₄. Cf. Alem. ad An. p. 113. Доступнѣе ad Vand. I. c.

4) An. 53₁₈.

5) An. 117₁₅. Cf. An. 84₁₈ или Pers. I, 129 (вѣроятнѣе).

6) An. 119₁₆. Pers. I, 123.

7) An. 136₂₄. Cf. An. 96—97.

8) Ср. Pers. I 119₁₄ и An. 47₁. Pers. I, 123₄ и An. 47₃. Goth. III, 427 и An. 36. Goth. I, 15₁₆ и An. 96₈. Goth. I, 12₁₅, ср. An. 96₁₄ и др.

9) Dahn, 344 ff.

скрытымъ ссылкамъ значение доказательства: онѣ дѣлаютъ только болѣе вѣроятной принадлежность Тайной Исторіи Прокопію. Если же намъ возразить, что ссылки важны не сами по себѣ, какъ формальныя признаки соотвѣтствія Тайной Исторіи и «Войнъ» въ ихъ содер-жанії, но какъ указанія на тожество взглядовъ Прокопія и автора Тайной Исторіи; если представляется важнымъ, при какихъ условіяхъ ссылки встрѣчаются, если именно тожество этихъ условій въ Тайной Исторіи и въ безспорныхъ трудахъ Прокопія является доказатель-ствомъ подлинности,—то на это можно отвѣтить, что при такомъ по-ниманіи аргумента о ссылкахъ онѣ не является самостоятельными. Въ такомъ случаѣ онѣ сводится не къ формальному, но къ внутрен-ному тожеству личности автора Тайной Исторіи съ Прокопіемъ, и тѣмъ самымъ войдетъ въ составъ третьяго и главнаго аргумента о внутреннихъ признакахъ тожества личности. Другимъ выводомъ является отсутствіе ссылокъ на такъ называемую четвертую книгу «Готскихъ Войнъ» и на «Постройки», если не считать вышеуказанной сомнительной ссылки по поводу Скирта. Это объясняется гипотезой о новой датѣ и, въ свою очередь, служить для нея лишнимъ доказа-тельствомъ. Въ-третьихъ, изученіе ссылокъ позволяетъ сдѣлать слѣ-дующее предположеніе. Къ концу Тайной Исторіи ссылки становятся рѣже; приблизительно съ 111 страницы онѣ дѣлаются менѣе точными. Для ссылокъ на ту же самую Тайную Исторію авторъ иногда употре-бляетъ формулу *oι ἐμπροσθεν λόγοι*, обычную и понятную для ссылокъ на прежнія сочиненія, т. е. на Исторію Войнъ. Это даетъ намъ поводъ къ предположенію, что послѣднія страницы были написаны позже. Обратимъ вниманіе на порядокъ изложенія Тайной Исторіи. Судя по *prooemium*, авторъ собирается разоблачить поступки Велисарія и его жены, а затѣмъ Юстиніана и Феодоры. Посвященные Велисарію и Антонінѣ первыя пять главъ нашего счета представляютъ отдельное цѣлое по содержанию и по порядку изложенія, являясь дополненіемъ къ Исторіи Войнъ. Дальнѣйшій планъ автора былъ слѣдующій: «я разскажу», говоритъ онъ, «что за люди были Юстиніанъ и Феодора и какимъ способомъ они разстроили государство Римлянъ¹⁾). Разсказъ объ Юстиніанѣ до его воцаренія заканчивается 8-ю главою, въ 9-й авторъ переходитъ къ Феодорѣ. Изложивъ, кѣмъ была Феодора въ своей прежней жизни и какъ она достигла трона, авторъ окончилъ

1) Ап. 42₂₂.

Византійскій Временникъ.

первую половину своего плана. Ему оставалось теперь изложить, «какимъ путемъ они разстроили государство Римлянъ», вступивъ на престолъ по смерти Юстиниана¹⁾. Авторъ снова возвращается къ Юстиниану и трактуетъ о немъ въ главахъ 11—14 нашего счета. Снова онъ возвращается къ Феодорѣ и говоритъ о ея злодѣйствахъ въ 15—17 главахъ, обрывая свое изложеніе на разсказѣ объ Иоаннѣ Каппадокѣ, на чмъ заканчиваются и обѣ книги Persica. Первый планъ былъ выполненъ. Дальнѣйшее изложеніе Тайной Исторіи имѣть слѣдующій порядокъ. Мы увидимъ изъ послѣдующаго, что основными чертами представленія, которое сложилось у автора объ Юстинианѣ, являются жестокость и корыстолюбие. Сообразно тому, авторъ посвящаетъ 18-ю главу изображенію жестокости (*ἀπανθρωπία*) Юстиниана, т. е. описанію несчастій, обрушившихся на самыя личности его подданныхъ и всѣхъ людей вообще, благодаря его внѣшней и внутренней политикѣ, а также благодаря физическимъ бѣдствіямъ, которыя общественнымъ подозрѣніемъ связывались съ политикой правительства. Въ слѣдующей 19-й главѣ нашего счета авторъ переходитъ къ изображенію корыстолюбія Юстиниана, т. е. къ имущественнымъ бѣдствіямъ народа подъ его управлениемъ²⁾). Чтобы спрavitъся съ обширнымъ и разнороднымъ материаломъ, авторъ счѣлъ удобнымъ порядокъ изложенія по общественнымъ классамъ, которые одинъ за другимъ представляются пострадавшими отъ мѣропріятій правительства. Онъ начинаетъ съ сенаторскаго сословія, богатство котораго, по мнѣнію автора, перешло въ руки варваровъ (гл. 19). Далѣе авторъ предполагаетъ изложить «другіе способы грабежа подданныхъ», посредствомъ которыхъ Юстинианъ «стумѣль понемногу ограбить имущества у всѣхъ». Подъ этимъ заглавиемъ намъ предлагаются известія объ администраціи при Юстинианѣ. Окончивъ эту рубрику о чиновникахъ (*ἄρχοντες*), авторъ переходитъ къ бѣдствіямъ землевладѣльцевъ³⁾). Посвятивъ этому классу 23-ю главу, онъ въ томъ же порядокѣ изложенія переходитъ къ арміи (гл. 24), къ торговымъ классамъ (гл. 25), къ горожанамъ (гл. 26), къ низшимъ классамъ⁴⁾ общества, оставляя подъ конецъ духовенство. Но вместо того, чтобы говорить о духовенствѣ, авторъ нѣсколько измѣняетъ порядокъ

1) Ср. Ап. 72₈.

2) Ап. 112.

3) Ап. 128₁₅.

4) Ап. 145₁₀.

изложenія и ставить своей задачей¹⁾ доказать, что Юстиніанъ не уважаъ ни Бога и духовенство (с. 27), ни законы (с. 28), быль лживъ (с. 29), измѣняль своимъ приверженцамъ Венетамъ (р. 159—161), не заботился о благѣ государства (с. 30 init.). Выполняя эту по-слѣднюю программу, намѣченную на 149 страницѣ, авторъ сообщаетъ подъ каждой рубрикой по нѣскольку фактовъ. Подъ конецъ онъ упоминаетъ «τινὲς αὐτοῦ τῶν γελοῖων»²⁾ и о нововведеніяхъ Феодоры и Юстиніана въ придворной жизни и въ этикетѣ.

Возвращаясь къ отмѣченнымъ выше перемѣнамъ въ формулахъ ссылокъ, начиная съ 111 страницы, и сопоставляя съ ними фактъ присутствія нового порядка изложenія съ 18-й главы, можемъ заключить, что съ главы 18-й начинается приписка къ первоначальному тексту Тайной Исторії. Начало этой приписки³⁾ означено логической непослѣдовательностью: все время авторъ говорилъ о Феодорѣ, но 18-ю главу онъ начинаетъ словами: «онъ быль не человѣкъ, а демонъ» и т. д. Припомнимъ, что всѣ мѣста, содержащія извѣстіе о 32-мъ годѣ царствованія Юстиніана, разсмотрѣнныя выше, встрѣчаются только съ стр. 110-й, такъ что дата Тайной Исторіи—32-й годъ правленія Юстиніана — относится только къ припискѣ. Однако, этотъ выводъ не имѣть особаго значенія: Тайная Исторія во всемъ своемъ составѣ является произведеніемъ одного лица. Это можно доказать безъ особаго труда путемъ наблюденія за языкомъ, стилемъ и прочими признаками тожества личности. Мы не входимъ въ разборъ этого въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ сомнѣнія въ принадлежности всего текста одному и тому же автору представляются недостаточно обоснованными. Притомъ, какъ первоначальный текстъ, такъ и приписка были написаны почти въ одно время. Дѣйствительно, если послѣднія 13 главъ относятся къ 550—551 гг., то и первыя семнадцать содержать извѣстіе о смерти Феодоры въ 548 году⁴⁾, говорять о событияхъ послѣ ея кончины и примыкаютъ къ содержанію семи книгъ Исторій Войнъ, вышедшихъ въ окончательномъ видѣ около 550 года. Впрочемъ, для характеристики небрежной редакціи Тайной Исторіи—судя по этому, и отъ извѣстій этого памятника нельзѧ ожидать особой точности—отсутствіе общаго плана представляется инте-

1) Ап. 149₁₅.

2) Ап. 164.

3) Ап. 106.

4) Ап. 103₅. Cf. 96₂₀.

реческимъ. Сверхъ того, отмѣченныя перемѣны въ порядкѣ изложенія могутъ быть примѣнены для новаго естественаго дѣленія текста Тайной Исторіи вмѣсто принятаго Мальтretомъ, мѣстами произвольнаго, дѣленія на тридцать главъ.

Въ перемѣнахъ плана и въ вытекающихъ отсюда повтореніяхъ¹⁾ слѣдуетъ видѣть первый признакъ отсутствія общей редакціи и окончательной отдѣлки. Вторымъ признакомъ является присутствіе въ Тайной Исторіи такихъ обѣщаній, которыя не были выполнены авторомъ въ существующемъ текстѣ. Это не объясняется ни предполагаемой незаконченностью Тайной Исторіи, такъ какъ послѣдній планъ²⁾ все-таки выполненъ въ дошедшемъ текстѣ, и послѣднія фразы указываютъ на конецъ сочиненія; ни порчею рукописей, потому что въ существующихъ лакунахъ могло прощастъ ограниченное количество текста. Авторъ не исполняетъ своего обѣщанія изложить религіозную политику правительства Юстиніана, пять разъ отсылая читателя къ какимъ-то «*ὅπισθεν λόγοι*»³⁾. Эти ссылки допускаются два толкованія: или авторъ имѣлъ въ виду отдѣльное отъ Тайной Исторіи сочиненіе, посвященное церковной политикѣ Юстиніана, или онъ отсыпалъ къ продолженію той же Тайной Исторіи. Для разъясненія должно привлечь, во-первыхъ, довольно известное мѣсто изъ четвертой книги *Gothica*⁴⁾, следовательно, написанное позже Тайной Исторіи. Изъ этого мѣста мы узнаемъ, что Прокопій имѣлъ въ виду написать отдѣльное сочиненіе о религіозныхъ междуусобіяхъ при Юстиніанѣ. Отсюда не слѣдуетъ заключать что-либо о Тайной Исторіи: если бы Прокопій и имѣлъ основаніе ссылаться на Тайнную Исторію по поводу извѣстія о мятежахъ сектантовъ, то не могъ бы ссылаться на нее въ *Gothica*. Въ ссылкахъ Тайной Исторіи авторъ выразилъ намѣреніе разскказать обѣ убийствѣ (*μίασμα*) Феодорой римскаго епископа Сильверія⁵⁾, обѣ обращеніи съ духовенствомъ⁶⁾ съ христіанами вообще⁷⁾ о

1) Напр. Ап. 46, 58, 71 sqq.

2) Ап. 149.

3) Ап. 18₁₃, 70₃, 76, 145₁₂ (cf. Regn. 158₁₁) и 151₅ ὡς μοι ἐν τοῖς ὅπισθεν λόγοις εἰρήσται (εἰρῆται Reiske). Аргументація Даны не можетъ быть принята, Dahn 457—458. Braun (Byz. Z. 1893 S. 109) читаетъ вмѣсто ὅπισθεν и εἰρήσται — ἐμπροσθεν и εἰρῆται, отсылая къ Ап. 70₂!

4) Goth. IV. c. 25 p. 594. Съ новой датой разсужденія Тейффеля отпадаютъ. Teuffel, Studien. 1889. S. 276.

5) Ап. 18₁₃.

6) Ап. 145₁₂.

7) Ап. 76₇.

самостоятельной роли Феодоры, какъ покровительницы монофизитов¹). Ни одного изъ этихъ обѣщаній авторъ не исполнилъ въ нашемъ текстѣ Тайной Исторії. Глава 27-я говорить о корыстолюбіи Юстиніана въ дѣлахъ церковнаго управлѣнія, именно о потворствѣ Павлу Александрійскому и Faustinu изъ-за денегъ. Допустимъ, что эти факты могутъ подойти подъ неопределѣленную ссылку Ап. 76₇, все-таки другія останутся не оправданными. Сначала авторъ отсыпалъ къ продолженію самой Тайной Исторіи²), но именно въ той самой 27-й главѣ, где можно было ожидать разсказа объ «отношениі къ христіанамъ», авторъ ссылается на ὅπισθεν λόγοι, разумѣя подъ ними нечто, не входящее въ планъ страницы 149-й. Кажется, не было со-поставлено со ссылками о христіанахъ одно нодобное мѣсто³), откуда видно, что ὅπισθεν λόγοι въ первоначальномъ текстѣ означаютъ про-долженіе той же самой Тайной Исторіи, потому что нельзя предпо-лагать специальное сочиненіе въ данномъ случаѣ. Во-вторыхъ, изъ этого мѣста слѣдуетъ, что вопросъ о христіанствѣ былъ не единствен-нымъ, оставшимся безъ отвѣта въ нашемъ текстѣ, несмотря на обѣ-щаніе автора.

Третімъ признакомъ—скорѣе спѣшности работы, чѣмъ отсут-ствія редакціі—являются формулы abbreviations, выражаютія без-силіе автора передъ необъятностью матеріяла; онѣ становятся частыми въ послѣдніхъ главахъ Тайной Исторіи⁴).

Вернемся къ вопросу о подлинности. Если постороннія свидѣтель-ства и вѣнчшее соотвѣтствіе содерянія Тайной Исторіи и «Войнъ» не могутъ быть сочтены рѣшающими доказательствами, то нужно искать рѣшеніе вопроса въ изслѣдованіі: существуютъ ли другія и болѣе глубокія основанія, чтобы видѣть въ авторѣ Тайной Исторіи и «Войнъ» одно и то же лицо. Вопросъ можетъ быть изслѣдованъ по-средствомъ сравнительнаго изученія кругозора, основныхъ взглядовъ и способа выраженія авторовъ обоихъ сочиненій. Противъ этого аргу-ментата поднимаются два возраженія. Во-первыхъ, такимъ образомъ поставленный вопросъ о подлинности будетъ связанъ съ вопросомъ о взглядахъ и тенденціи автора Тайной Исторіи. Но если бы въ его взглядахъ не замѣчалась большая разница со взглядами Прокопія въ

1) Ап. 70₃ 151₅.

2) Ап. 70₃ оў πολλῷ ὑστερον.

3) Ап. 102₄. Вм. Імпростру чит. ὅπισθεν, какъ совѣтуетъ Braun l. c.

4) Ап. 79₁ 87₁₉ 90₁₀ 96₆ 106₁₀ 119₂₂ 131₂₁ 145₁₆ 149₁₃ 156₉ 159₁₆.

его бесспорныхъ сочиненіяхъ, то и сомнѣнія въ подлинности Тайной Исторіи не возникло бы: оно явилось по той причинѣ, что нельзя— по мнѣнію Эйхеля и другихъ—признать Прокопія авторомъ Тайной Исторіи вслѣдствіе разницы во взглядахъ на эпоху Юстиніана. На это слѣдуетъ возразить, что дѣйствительно, вполнѣ убѣдиться въ тожествѣ взглядовъ можно только тогда, когда будутъ изучены извѣстія Тайной Исторіи въ отдѣльности; и постольку окончательное решеніе вопроса о подлинности зависитъ отъ изученія степени достовѣрности извѣстій Тайной Исторіи въ сравненіи съ бесспорными сочиненіями Прокопія; но до того изученіе тожества будетъ ограничено тѣми взглядами Тайной Исторіи, которые болѣе характеризуютъ я автора, чѣмъ передаваемые имъ факты. При этомъ, конечно, мы не имѣемъ права ожидать полнаго тожества. Нельзя требовать, по данной группѣ отношеній, вполнѣ тожественныхъ извѣстій отъ Тайной Исторіи и бесспорныхъ сочиненій Прокопія. Тайная Исторія написана пристрастно, «Войны» сдержанно, «Постройки» изложены льстиво. Слѣдовательно, считаясь съ каждымъ изъ извѣстій Тайной Исторіи, мы должны выдѣлить общій имъ всѣмъ элементъ пристрастности и тогда уже искать тожества съ соотвѣтственными извѣстіями «Войнъ». Далѣе, содержаніе Тайной Исторіи и «Войнъ» различное. Содержаніемъ первой являются, главнымъ образомъ, факты внутренней политики и управления, а «Войны» являются исторіей вѣнѣшней политики Юстиніана. Факты, составляющіе главное содержаніе одного сочиненія, попадаются въ другомъ лишь случайно. Распредѣляя факты по категоріямъ на основаніи ихъ внутренней близости, мы получаемъ, на значительное число фактовъ въ одномъ сочиненіи, сравнительно мало фактовъ той же категоріи въ другомъ; иные категоріи вовсе могутъ не иметь себѣ соотвѣтствія. Этимъ, однако, не слѣдуетъ затрудняться. Если бы всѣ категоріи были въ обоихъ сочиненіяхъ достаточно представлены и соотвѣтственные графы были заполнены, то мы не имѣли бы еще права приступить непосредственно къ сравненію этихъ частныхъ категорій, не установивъ предварительно связи между ближайшими частными категоріями и не приведя ихъ къ болѣе общимъ. Слѣдуетъ основываться лишь на тожествѣ общихъ принциповъ, а тожественные частности только могутъ ввести въ заблужденіе въ иныхъ случаяхъ. Это приводить насъ ко второму возраженію противъ аргумента о тожествѣ личности, въ сущности къ тому же, съ которымъ мы встрѣтились въ аргументѣ о ссылкахъ. Справши-

вается, насколько мы можемъ допустить, что предполагаемый подражатель съумѣлъ поддѣлаться подъ образъ мыслей и выражений Прокопія? Другими словами, имѣемъ ли мы дѣло съ аргументомъ большей или меньшей вѣроятности или съ доказательствомъ несомнѣнной достовѣрности? На это можно отвѣтить, обративъ вниманіе, на какихъ основаніяхъ мы интересуемся вопросомъ о подлинности и ставимъ его во главу изученія Тайной Исторіи. Если подражатель, усвоивъ нѣсколько вѣшнихъ приемовъ Прокопія, съумѣлъ бы выдать свое произведеніе за сочиненіе Прокопія, то это имѣло бы для нась значеніе на столько, на сколько мы имѣли бы дѣло съ произведеніемъ, помимо нѣсколькихъ вѣшнихъ признаковъ, не отвѣчающимъ, по своему содержанію, той степени достовѣрности, которую критика установила для Прокопія: произведеніе страдало бы такимъ внутреннимъ противорѣчіемъ, которое лишало бы его всякой исторической цѣнности до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлено, изъ какихъ круговъ и отъ какого времени оно исходитъ. Припомнивъ это общее правило, можемъ отвѣтить на предложенное возраженіе: если удастся доказать, что существенные взгляды и кругозоръ автора Тайной Исторіи и Прокопія тожественны, то вопросъ о подлинности потеряетъ въ нашихъ глазахъ прежнюю остроту. Если бы себѣ представили такой *exemplar fictum*, гдѣ фальзарій и хотѣлъ бы, и могъ бы говорить совершенно то самое, что и авторъ, подъ которого онъ поддѣлался, то не было бы большой нужды интересоваться вопросомъ о подлинности сочиненія.

Къ изученію тожества личности можно подойти различнымъ путемъ. Слѣдуетъ изучать языкъ, стиль, основные взгляды политические, философские и другія черты міросозерцанія автора. Новые изслѣдователи внесли каждый свою долю въ разработку этого аргумента. Тейфель коснулся всѣхъ пунктовъ, но большую частью ихъ только намѣтилъ. По его слѣдамъ пошли Экардтъ и Данъ. Экардтъ развилъ доказательство о стилѣ, но остановился передъ изслѣдованіемъ тожества языка. Эта чисто филологическая работа, по его мнѣнію, только тогда сдѣлается плодотворной, когда сама филология поставить на очередь вопросъ о позднѣйшемъ греческомъ языке и тѣмъ дастъ возможность опереться на ея выводы неспеціалисту. Тогда только стать возможнымъ серьезное изученіе языка Прокопія¹⁾. Весь аргументъ о внутреннемъ тожествѣ личности впервые былъ поставленъ,

1) Eckardt, p. 20—26.

оцѣненъ въ своей цѣлости и разработанъ въ частностяхъ Даномъ. Мы не имѣемъ смысла желанія умалять достоинства его большого и извѣстнаго труда. Хотя, можетъ быть, онъ и не открылъ въ нашемъ вопросѣ безусловно новыхъ горизонтовъ, и въ этомъ отношеніи даже уступаетъ небольшому изслѣдованію Тейфеля, но собравъ богатый матеріаъ и разработавъ его съ большими, по нашему мнѣнію, талантами, Данъ нанесъ рѣшительный ударъ противникамъ подлинности, и съ этой стороны его трудъ составилъ эпоху въ исторіи нашего вопроса. Въ трудѣ Dana аргументъ о внутреннемъ тождествѣ распадается на два самостоятельныхъ доказательства: о тождествѣ языка и стиля и, во-вторыхъ, о тождествѣ міровоззрѣнія. Что касается первого доказательства, то большой матеріаъ, добытый сравнительнымъ изученіемъ Тайной Исторіи, «Войнъ» и «Построекъ», частью расположены въ видѣ словаря (не исчерпавшаго, впрочемъ, всего матеріала), частью разработанъ болѣе систематически путемъ группировки синонимическихъ выражений и словъ, а также путемъ наблюденія надъ характерными для Прокопія оборотами рѣчи.

Въ этомъ случаѣ Данъ имѣть предшественникомъ Экардта. Въ виду возраженій со стороны противниковъ подлинности, что особенности языка Прокопія могли быть усвоены подражателемъ, Данъ кладетъ въ основу разработки аргумента о языке два условия: количественный объемъ сравненія, т. е. возможно большее число сопоставленій, подавляющее всякое сомнѣніе, и во-вторыхъ, изученіе тѣхъ словъ и оборотовъ рѣчи, которые свойственны Прокопію въ особомъ и постоянномъ значеніи, хотя бы сами по себѣ они были употребительными. Что касается первого условия, то никакая масса не можетъ устранить сомнѣнія въ подлинности въ виду того, что выводы о свойствахъ языка, основанныя только на сходствѣ отдельныхъ случаевъ употребленія словъ и оборотовъ рѣчи, имѣютъ неизвѣстную степень достовѣрности. Генетический методъ можетъ принести лучшіе результаты, отправляясь отъ изученія индивидуальности автора или отъ исторіи даннаго оборота въ языкѣ. Приведенныхъ выше сомнѣній Экардта Данъ не устранилъ. Что касается до второго условия—свойственности и постоянства въ выборѣ выражений, которыми Прокопій долженъ отличаться отъ другихъ писателей, то Данъ и этого не доказалъ. Всякій писатель, думающій своею мыслью и выражаяющійся своими словами, до извѣстной степени монотоненъ. Не видно, почему Прокопій болѣе однообразенъ, чѣмъ, положимъ, Фукидидъ, особенно

если принять во внимание, къ какой эпохѣ въ исторіи языка относится Прокопій. Дань самъ соглашается, что «die Monotonie ist nur im Princip». Сами по себѣ взятыя начала массы и своеобразности ограничиваютъ другъ друга; Дань существенно ослабилъ необходимость количественного условия массы, вводя качественное условіе своеобразности. Сознавая относительную бездоказательность начала массы, которое въ состояніи только придавать большую вѣроятность, въ виду большого объема сочиненій Прокопія, возможности односторонняго подсчета однихъ сходныхъ случаевъ и т. д., Дань не долженъ быть остановиться на этомъ условіи; ему следовало установить, что его цифры настолько имѣютъ значеніе, насколько облекаютъ характерныя для Прокопія привычки мышленія и выраженія. Если это вѣрно, то аргументъ о языкѣ не имѣть самостоятельного значенія и долженъ войти, какъ часть, въ составъ аргумента о внутреннемъ тождествѣ личности.

Припомнимъ, предварительно, что мнѣніе о полномъ противорѣчіи Тайной Исторії «Войнамъ» во взглядѣ на эпоху Юстиніана въ значительной степени основано на предразсудкѣ¹⁾). Если Прокопій удивляется энергіи Юстиніана при случаѣ Вандальской и Готской экспедиціи, то этимъ ограничиваются скучныя похвалы Прокопія. Тайная Исторія не касается военныхъ успѣховъ Вандальской экспедиціи, но осуждаетъ ея послѣдствія для благосостоянія страны; обѣ этомъ не могчать и *Vandalica*. Вторая книга «Персидскихъ Войнъ», вторая и третья «Готскихъ», равно какъ и четвертая *poихл*, могутъ быть названы сдержаннѣмъ обвинительнымъ актомъ противъ политики Юстиніана. Обыкновенно Прокопій говоритъ намекомъ, но иногда осуждаетъ открыто. Въ сравненіи съ предыдущимъ царствованіемъ Анастасія, время Юстина и Юстиніана кажется Прокопію тяжелымъ временемъ. Мы увидимъ это ниже при разборѣ обвиненій Тайной Исторіи. Нигдѣ въ Исторіи Войнъ Прокопій не говоритъ сочувственно о самой личности императора. Правда, Прокопій удивляется его энергіи во вѣнчаней политикѣ, его хитрости съ персидскимъ лазутчикомъ, его богословскимъ занятіемъ²⁾). Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что эти единственныя похвалы Войнъ были сверхъ того и двусмысленными. Что касается сочиненія «О постройкахъ»,

1) Cp. Dahn, 266—319. 117. 131—132.

2) Goth. I, 80. Cf. Pers. II, 158. Vand. I, 358₆. Cf. An. 57₁₃ 87₁₅. Aed. 315₅. Pers. I, 108—109. Goth. IV, 409₂₀ 429₄. Cf. Aed. 195. Agath. V extr.

то можно читать у Дана, насколько основной тонь этого официального описанія отзывается фальшью¹⁾). Обстоятельства личной жизни Прокопія за время 550—559 г. намъ не извѣстны; за то вполнѣ понятны требованія, предъявляемыя къ такимъ сочиненіямъ, какъ «Постройки». Этотъ трудъ былъ вызванъ предложеніемъ правительства. Его автору было открыть официальный материалъ и даже быть указанъ планъ сочиненія²⁾). На ряду съ самостоятельной литературой дошли произведенія отъ этого же времени, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ (Присціана, Павла Силентіарія и Кориппа). Іоаннъ Лидъ разсказываетъ о своихъ опытахъ и о полученномъ имъ приглашеніи описать первую персидскую войну³⁾). Справливается, чѣмъ же затрудняться, если правительство обратилось къ перу извѣстнаго писателя, какимъ былъ Прокопій, и тотъ выполнилъ порученіе въ соотвѣтственной работе⁴⁾? Къ такого рода источникамъ нужно прилагать осо-бую мѣру. При разборѣ отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи намъ встрѣтится случай сравнить ихъ съ данными «Войнъ» и «Построекъ», привлекаемыхъ въ числѣ другихъ источниковъ.

Развитіе тезиса о внутреннемъ тожествѣ личности Прокопія и автора Тайной Исторіи связано какъ исторически, такъ и логически съ изученіемъ характерныхъ особенностей Прокопія, какъ писателя; но рѣшающее значеніе этого аргумента въ вопросѣ о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію было сознано сравнительно недавно, именно въ трудахъ Тейфеля и Дана. Еще Алеманнъ опредѣлялъ—и довольно мѣтко—убѣжденія Прокопія словомъ «*politicus*». Онъ примѣнялъ это слово для обозначенія религіознаго индифферентизма Прокопія. Его противники увидали въ Прокопіѣ язычника, и первая полемика имѣла своимъ предметомъ вопросъ о язычествѣ Прокопія. Ставя вопросъ шире, Тейфель не остановился на анализѣ религіознаго скептицизма Прокопія и раскрылъ весь кругозоръ морально-философскихъ убѣждений писателя. По слѣдамъ Тейфеля Данъ разработалъ глубоко и подробно фатализмъ и скептицизмъ, суевѣrie Прокопія, его этическіе взгляды, и обратился къ изученію самыхъ замѣтныхъ основъ политическихъ воззрѣній Прокопія—къ его аристократизму, консерватизму и чувству римскаго патріота. Тожество основныхъ политическихъ

1) Dahn, 352 и д.

2) Aed. I, с. 3.

3) Lyd. de mag. III, с. 28, р. 198 Hase.

4) Dahn, 356. Teuffel, 264.

взглядовъ автора Тайной Исторії со взглядами Прокопія було Тейфелемъ только намѣчено, и Данъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе. Послѣ Тейфеля и Дана перестали появляться подозрѣнія, что Прокопій еретикъ или изъ партіи Прасиновъ. Уже Гундлахъ¹⁾ высказывалъ мнѣніе, что авторъ Тайной Исторії заимствовалъ свои обвиненія изъ лагеря Прасиновъ или Евтихіанъ, а причины его раздраженія были иные. Къ сожалѣнію, Данъ не поставилъ своею задачей изученіе эпохи. Онъ имѣть дѣло съ Прокопіемъ въ себѣ. Поэтому его знаніе Прокопія нѣсколько отвлеченнѣе, и точка зреїнія скорѣе психолога, чѣмъ историка. За то при встрѣтѣ съ фактами его психологическая объясненія оказываются несостоятельными. Такъ случилось съ его гипотезой о происхожденіи Тайной Исторії, отпадающей вмѣстѣ съ признаніемъ того факта, что Тайная Исторія была написана за 8—9 лѣтъ до описанія «Построекъ»²⁾. Данъ не преувеличилъ бы одіозный характеръ «Построекъ» Прокопія, если бы сопоставилъ это сочиненіе съ рядомъ другихъ подобныхъ офиціальныхъ описаній. Въ общемъ онъ береть Прокопія, какъ тотъ высказывается самъ, теоретически сознавая неправильность такого пріема. Разбирая взгляды Прокопія, Данъ мало пользуется фактическимъ содержаніемъ его сочиненій, оцѣнка котораго можетъ явиться только результатомъ изученія эпохи; а сопоставляетъ, вмѣсто того, афоризмы и отдельныя фразы. Если Данъ указываетъ на консерватизмъ Прокопія, то въ это время всѣ были консерваторами, и Юстиніанъ, вводя административныя реформы, рекомендовалъ ихъ, какъ возстановленіе забытой древности. Какого рода былъ консерватизмъ Прокопія и чѣмъ объясняется его отношеніе къ Юстиніану, какъ къ новатору, остается не вполнѣ яснымъ³⁾. Если Данъ указываетъ на аристократизмъ, то въ VI вѣкѣ всѣ были далеки отъ идеаловъ равенства, и демократические элементы общества скрывались въ церкви и монашествѣ. Если онъ указываетъ на патріотизмъ Прокопія, то недостаточно разъясняется, каковъ былъ характеръ этого патріотизма: имперскій или національный, отвлеченная ли идея или чувство близости къ окружающему обществу, несчастія котораго Прокопій видѣлъ и слышалъ.

Для того, чтобы опредѣлить политическую тенденцію Тайной Исторії и, затѣмъ, убѣдиться, что она согласна съ основами полити-

1) *Quaestiones Procopianaæ*, p. 26.

2) Dahn, 365—366.

3) Dahn, 135.

ческаго міросозерцанія Прокопія, слѣдуетъ собрать всѣ извѣстія Тайной Исторіи, могущія выяснить ея тенденцію безъ предварительной прроверки данными другихъ источниковъ; далѣе, слѣдуетъ свести ихъ путемъ синтеза къ нѣсколькимъ основнымъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ, по которымъ и авторъ Тайной Исторіи, и Прокопій въ его безспорныхъ сочиненіяхъ высказались наиболѣе определенно; и затѣмъ намъ останется убѣдиться въ тождествѣ основныхъ, выдѣленныхъ нами, понятій у обоихъ авторовъ. Этимъ мы исчерпаемъ самую существенную для нашей настоящей цѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе разработанную часть сложнаго аргумента о тождествѣ личности. Откроется возможность дать определенный и рѣшительный отвѣтъ на вопросъ о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію. Дальнѣйшее изслѣдованіе Тайной Исторіи утвердить въ насть это убѣжденіе, будучи ведено аналитическимъ методомъ критики отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи со стороны ихъ исторической цѣлности.

Въ видѣ предварительного замѣчанія, упомянемъ о тѣхъ мѣстахъ Тайной Исторіи, гдѣ авторъ попутно отмѣчаетъ свое личное отношеніе къ излагаемымъ событиямъ. Въ разсказѣ о преслѣдованіяхъ еретиковъ въ Палестинѣ онъ называетъ Кесарею Палестинскую своимъ роднымъ городомъ¹⁾). Указывая на многочисленность населенія Ливіи до раззорительныхъ войнъ времени Юстиніана, авторъ ссылается на свои личныя наблюденія²⁾). Изображая раззореніе и униженіе сенаторскаго сословія и сената, какъ учрежденія, подъ властью Юстиніана и Феодоры, авторъ прибавляетъ: «поэтому они казались какъ мнѣ, такъ и большинству изъ насть не людьми, но какими-то демонами-губителями»³⁾). Нельзя заключать на основаніи этого мѣста, что Прокопій принадлежалъ къ сословію сенаторовъ. Оно должно быть сопоставлено съ рядомъ текстовъ, гдѣ авторъ Тайной Исторіи говоритъ отъ лица общества или его высшихъ классовъ, участвующихъ въ политической жизни (*λόγιοι τῶν Ρωμαίων*)⁴⁾.

Выдѣляя основныя политическія идеи Тайной Исторіи, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ представлѣніемъ, отличающимъ автора отъ

1) Ап. 75₅.

2) Ап. 106₂₂.

3) Ап. 79₁₂.

4) Ап. 26₁₃ 98₄ 103₅ 114₁₈ 121₂₁. Cf. Pers. I, 89₁₆. Ап. 36₁₆ 31, 35₉ 98, 99₁₆ 100₁₀ 121₂₃ 122₆.

христіанськихъ писателей, различающихъ христіанъ и нехристіанъ, невѣрныхъ. Авторъ Тайной Исторіи дѣлить все человѣчество, какъ античные писатели, на два міра: на Римлянъ и варваровъ. Онь собирается, въ предисловіи, изобразить несчастія, случившіяся при Юстиніанѣ съ «Римскимъ родомъ»¹⁾, но при другомъ случаѣ замѣчаетъ, что дѣйствіе его губительной политики отражалось даже на врагахъ-варвалахъ²⁾). Римляне представляются автору окружеными со всѣхъ сторонъ враждебными міромъ варварскихъ племенъ и государствъ³⁾). Авторъ Тайной Исторіи строго отличается Римлянъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Онь не включаетъ въ ихъ число даже римскихъ федератовъ, лучшую часть императорской арміи⁴⁾). Упоминая о грабежахъ этихъ федератовъ, авторъ называетъ ихъ точно также варварами, какъ если бы онъ говорилъ о Персахъ⁵⁾). Не удивительно, поэтому, что авторъ отличается отъ Римлянъ союзныхъ съ имперіею Лазовъ и даже римскихъ подданныхъ Армянъ⁶⁾; но нельзя не замѣтить, что авторъ не называетъ Римлянами римское населеніе, жившее въ старой провинції Африкѣ и даже въ Італії. Онь называетъ ихъ Λίβιος и Ἰταλοί⁷⁾), не смотря на то, что они имѣли больше правъ на имя Римлянъ, чѣмъ провинціалы Фракіи и Малой Азіи, которыхъ авторъ называетъ Фракійскими и восточными Римлянами⁸⁾). Очевидно, авторъ употребляетъ слово 'Ромаїо' не въ этнографическомъ смыслѣ. Онь далекъ быть отъ того, чтобы присвоивать почетное въ его глазахъ имя Римлянъ западному, менѣе тогда культурному обществу предпочтительно передъ греческимъ восточнымъ. Считая себя Римяниномъ и будучи римскимъ патріотомъ, авторъ пишетъ по гречески, называетъ латинскій языкъ Λατίνων φωνή⁹⁾), а не πάτρια φωνή, какъ современные ему, тоже по языку греческие памятники законодательства, называетъ Константинополь туземнымъ старымъ именемъ Византіи. Онь презрительно отзываются о квесторѣ Юнилѣ, Ливійцѣ по происхожденію, знаявшемъ латинскій языкъ, но возбуждавшемъ

1) Ап. 10₁.2) Ап. 109₁₆ 110₆ 86₁₇3) Ап. 54₂ 72₉—73₄ и др.4) Ап. 107₄. Cf. Vand. 358₂₀.5) Ап. 122₁₁.6) Ап. 109₁₀ 23₁₅.7) Ап. 37₆ 106₂₀; 39₅ 41₁₃.8) Ап. 108₁₈ 122₁₉ 108₂₁ τοὺς ἐφόυς Ῥωμαῖους.9) Ап. 44₂₀. Cf. 117₂₁.

смѣхъ, пытаясь говорить по гречески¹⁾; онъ иронизируетъ надъ исключениемъ изъ списковъ всѣхъ солдатъ, происходившихъ изъ собственной Греціи, «какъ будто изъ той страны совсѣмъ не можетъ быть хорошаго солдата»²⁾). Слѣдовательно, не языкомъ и происхожденіемъ опредѣляется принадлежность къ римскому обществу, по представленію автора Тайной Исторіи.

Однаково ошибочно было бы полагать, что понятіе 'Роудаїо' идентично для автора съ понятіемъ о подданныхъ императора. Такое понятіе у него, конечно, существуетъ. Авторъ неоднократно употребляетъ выраженія *χατήκοοι* и *ὑπήκοοι* тамъ, где рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между подданными и императоромъ; въ случаѣхъ, где подобный отг҃енокъ отсутствуетъ, населеніе называется 'Роудаїо'. Для выраженія подчиненности высшимъ властямъ государства авторъ иногда употребляетъ тѣ же самыя слова *χατήκοοι* и *ὑπήκοοι*³⁾ вместо *ἀρχόμενοι*⁴⁾. Въ одномъ случаѣ это послѣднее выраженіе относится къ подданнымъ императора, но и тамъ оно выражаетъ особый отг҃енокъ мысли автора⁵⁾. Сами Римляне имѣли подданныхъ⁶⁾. Такимъ образомъ, понятіе «Римляне» и «подданные императора» не тождественны для автора Тайной Исторіи, хотя относятся къ одному и тому же населенію. Понятіе о Римлянахъ существуетъ въ умѣ автора независимо отъ понятія объ императорѣ и его подданныхъ. Говоря о слабостяхъ Юстина Старшаго, авторъ заканчиваетъ словами: «такъ у Римлянъ обстояло дѣло съ Юстиномъ»⁷⁾, подобно тому какъ по поводу грабительства сановниковъ онъ замѣчаетъ: «такъ у Римлянъ обстояло дѣло съ высшими властями⁸⁾».

Въ текстѣ Тайной Исторіи мы встрѣчаемся съ самостоятельнымъ и отчетливымъ представлениемъ о Римлянахъ, о римской націи. Предметомъ Тайной Исторіи являются несчастія Римлянъ подъ скипетромъ Юстиніана⁹⁾. Римляне состоять въ мирныхъ отношеніяхъ къ Персамъ, Римляне имѣютъ союзниковъ¹⁰⁾. О государственныхъ

1) Ап. 119₁₉.

2) Ап. 134₂.

3) Ап. 119, 120₈, 121₁₅, 165₁, 86₁, 105, и др.

4) Ап. 120₁₈.

5) Ап. 66₁₂.

6) Ап. 23₁₅.

7) Ап. 45₅. Cf. 44₁₂.

8) Ап. 122₁₀.

9) Ап. 58₃, 45₁₈, 109₁₆. Cf. 10₁.

10) Ап. 72₃, 122₁₆₋₂₀.

дѣлахъ Римлянъ, о 'Рѡмакіон тақ прағматат идетъ рѣчъ¹⁾). Встрѣчается выражение ἡ 'Рѡмакіон політіеа²⁾, равносильное Romana respublica западныхъ источниковъ³⁾. Римляне образуютъ имперію, которая называется не царствомъ Юстиніана или восточного христіанского императора, но государствомъ, имперію Римлянъ, ἡ Рѡмакіон ἀρχή⁴⁾. Римлянамъ принадлежить территорія съ ея границами⁵⁾, войско⁶⁾, національное богатство — δ 'Рѡмакіон πλοῦτος, которое Юстиніанъ растратилъ⁷⁾. Римляне и ихъ государство представляются автору Тайной Исторіи существующими помимо римского автократора, и представителями Римлянъ являются высшіе классы римского общества, λόγιμοι ἄπαντες, начиная съ ἡ σύγχλητος φουλή. Существование понятія о Romana gens въ устахъ писателя VI-го вѣка, принадлежащаго къ политической оппозиції правительству Юстиніана, является фактомъ исторической важности. Нельзя отожествлять его съ той литературно-офиціальной традиціей, въ силу которой средневѣковые греки называли себя ромеями; отсутствіе литературной отдельки, уклоненіе отъ офиціальныхъ именъ и терминовъ выдѣляетъ Тайную Исторію на особое мѣсто изъ числа ей современныхъ и позднѣйшихъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ ея извѣстій объясняются традиціей, но не литературною, а продолжавшей свое существованіе въ дѣйствительной жизни извѣстныхъ круговъ современного автору общества. Въ этомъ можно убѣдиться лишь по изученію отдельныхъ извѣстій нашего источника въ связи съ эпохой.

Понятіе «Римлянинъ» опредѣляется прежде всего принадлежностью къ высшей культурѣ. Поэтому авторъ, враждебно настроенный къ дому Юстина Старшаго, видѣтъ въ ней прежде всего варварскую династію. Чтобы указать на ея низкое, варварское происхожденіе, авторъ разсказываетъ⁸⁾ біографію Юстина, родившагося иллірійскимъ крестьяниномъ. Въ рѣзкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ говорится о безграмотности этого императора, «чего, по словамъ Тайной Исторіи, прежде у Римлянъ не бывало»⁹⁾. Авторъ не забылъ

1) Ап. 37₁₃ 88₁₈ 41₆ 42₂₃ 93₁₀ 111₆.

2) Ап. 47₅ 87₁₀. См. ниже.

3) Ср. Regesta Gregorii M., ed. Jaffé-Ewald, п. 1868 и др.

4) Ап. 10₆ 42₁₆ 46₉ 47₁₆ 58₁₁ 72₁₈ 78₁₉ 88₁₀ 108₁₅ 109₅ 111₉ 114₂₃ 122₁₂ 128₂₂ 164₃.

5) Ап. 22₆ 24₅ 25₄ 34₁ 58₁₄ 73₂ 102₁₃ 110₈ 168₁₈. 22₁₁.

6) Ап. 30₁₀ 37₁₀ 39₅ 41₁₃ 108₇ 168₁₇₋₂₁. 80₆.

7) Ап. 54₂ 114₁₈₋₂₁. 166₃.

8) Ап. 43 sq.

9) Ап. 44₁₂. Cf. 45₁₀.

поставить на видъ, что и жена Юстина была рабыней варварскаго происхожденія или образованія¹⁾). Даже о просвѣщенномъ Юстиніанѣ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что онъ не соблюдалъ царскаго достоинства; языкъ, осанка, образъ мыслей Юстиніана были, по мнѣнію автора, варварскіе, но «не смотря на такіе недостатки Юстиніанъ самъ писалъ свои рѣшенія²⁾». Не только умственное развитіе отличаетъ Римлянина отъ варваровъ. Семейные обычай и свобода личности у Римлянъ стоять гораздо выше, чѣмъ у варваровъ³⁾. Эта мысль, кстати сказать, была любимой въ письмахъ Григорія В.⁴⁾. Надъ варварскими модами, широкимъ платьемъ «гуннского» образца, авторъ не безъ успѣха иронизируетъ⁵⁾. И личными достоинствами варвары не могутъ равняться съ Римлянами. Жена Юстина Старшаго, императрица Евфимія, была далека, по словамъ автора, отъ всякаго порока, но по своему необразованію, неопытности и варварству не могла достичь той добродѣти, которая требуетъ противиться общественному злу⁶⁾. Вообще, варварское происхожденіе относится къ числу личныхъ недостатковъ⁷⁾.

Принадлежность къ высшей культурѣ опредѣляетъ Римлянина въ сравненіи съ варварамъ. Еще болѣе яснымъ отличиемъ Римлянина является принадлежность къ Римской имперіи. Авторъ не противополагаетъ государство обществу, что было бы такъ естественно въ этнографически пестрой монархіи Юстиніана. Въ немъ живо античное воззрѣніе, по которому государство является первой, главной и неизбѣжной формой общественной жизни. Государственные интересы заставляютъ забывать о личныхъ, сознаніе долга передъ государствомъ еще живеть въ современномъ Юстиніану обществѣ⁸⁾. Чувство органической связи между государствомъ и обществомъ выражено весьма ясно въ понятіяхъ автора. Онъ выражается: 'Рѡμαίων ἡ πολιτεία, 'Рѡμαίων τὰ πράγματα. Онъ обвиняетъ Юстиніана, Феодору, даже Льва Киликійца въ томъ, что они погубили «Римлянамъ ихъ государство»⁹⁾. Это государство является священнымъ и для варваровъ. Оно

1) Ап. 45₆.

2) Ап. 87₂₂ 88₃.

3) Ап. 104₂.

4) Greg. M. ep. XII Leontio consulari; XIII 31 Phocae imperatori.

5) Ап. 48.

6) Ап. 68₅.

7) Ап. 97₂₁.

8) Ап. 22₁. Cf. 42₁₆.

9) Ап. 47₅ 58₁₉ 91₁ 93₁₀ 87₁₀.

самое древнее и славное, въѣра въ его непоколебимость должна еще сохраняться у варваровъ, даже у подданныхъ Хозроя¹⁾. Въ этомъ случаѣ слово *πολιτεία*, употребленное авторомъ, имѣть значеніе Римской имперіи, какъ политического цѣлаго, въ противоположность врагамъ-варварамъ (имѣеть смыслъ ю *Ρωμαίων ἀρχή*). И въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ за нимъ наблюдается то же значеніе²⁾: авторъ говорить о предѣлахъ *πολιτεία*, о военныхъ интересахъ *πολιτεία*, о перемѣнѣ *πολιτεία* путемъ бѣгства въ Персію. Наблюдаются и обратное словоупотребленіе *ἀρχή* вместо *πολιτεία*³⁾. Даѣве, есть нѣсколько примѣровъ употребленія слова *πολιτεία* въ смыслѣ, близкомъ къ современному понятію обѣ обществѣ. Изложивъ мѣропріятія правительства, раззорительныя для различныхъ классовъ общества, авторъ обобщаетъ ихъ въ одномъ понятіи та *κατὰ τὴν πολιτείαν*⁴⁾. Въ другомъ случаѣ сказано, что консулы, какъ устроители публичныхъ зрелищъ, тратили большія суммы на государство, еїс *τὴν πολιτείαν*⁵⁾. Сюда же можно привлечь и третью мѣсто, где авторъ усматривается въ раздачѣ хлѣба римскимъ нищимъ слѣдъ древняго установлениія, *πολιτείας τῆς παλαιᾶς ἔχουσ*⁶⁾. Въ остальныхъ случаяхъ слово *πολιτεία* имѣеть опредѣленное значеніе законнаго государственного порядка⁷⁾ и противополагается насильственному режиму или тираниі⁸⁾. Съ понятіемъ *πολιτεία* оказываются несовмѣстими: нарушеніе закона, неуваженіе къ лицамъ, облеченнымъ законной властью, насильственное вмѣшательство близкихъ къ императору лицъ, напр. Феодоры, въ дѣла управления и законодательства, непочтительное отношеніе къ серьезнымъ и важнымъ государственнымъ дѣламъ⁹⁾, однимъ словомъ все, что нарушаетъ законный порядокъ, «οἱ τε νόμοι καὶ δι τῆς πολιτείας κόσμος¹⁰⁾.

Такимъ образомъ выясняется вторая основная черта политического міросозерцанія нашего автора. Онъ является не только патріотомъ, но приверженцемъ законнаго порядка, видѣвшимъ въ правленіи Юстиніана съ Феодорой нарушеніе римской конституції. Власть закон-

1) Ап. 24₅.

2) Ап. 22₂ 135₆ 142₁₅. Cf. 74₃. Goth. IV 541. Ап. 161_{6,9} 163₂₃ 149₁₉.

3) Ап. 74₆.

4) Ап. 140₁₀.

5) Ап. 144₁₁.

6) Ап. 146₂₄.

7) Ап. 24₁₉ 47_{5,19} 52₁₈ 58₁₉ 70₂₀ 71₁₂ 87₁₁ 90₉ 93₉ 102₆ 103₂₀ 105⁹ 117₁₂ 118₇ 160₂₃.

8) Ап. 51₇. Cf. 71₇.

9) Ап. 90₉ cf. 44₈.

10) Ап. 47₁₉.

ную онъ строго отличаетъ оть незаконной или превысившей прежніе, установленные закономъ и обычаями, предѣлы. Для обозначенія власти, существующей по закону, помимо закона и противъ закона, авторъ имѣеть три соотвѣтственныя группы терминовъ: *βασιλεύειν*, *ἀρχεῖν*, *ἀρχήν*, *τιμήν*, *βασιλείαν ἔχειν*; во-вторыхъ: *διοικησθαι*, *притаче́ніе*, *храте́ти* и, въ-третьихъ, *βιάζεσθαι* и *тира́нніе*. Напримѣръ, Юстиніанъ при жизни Юстина фактически управлялъ имперіей (*διφχεῖτο*)¹), затѣмъ противозаконно и насильственно захватилъ императорскую власть при жизни Юстина²), но будучи формально узаконенъ сенатомъ, Юстиніанъ сталъ уже признаннымъ императоромъ³) (*τὴν βασιλείαν ἔσχεν*, *παρέλαβεν*). Употребленіе въ данномъ мѣстѣ этихъ послѣднихъ формулъ, равно какъ и то обстоятельство, что власть Юстиніана была вполнѣ безспорна по смерти Юстина Старшаго — что не могло быть безъизвѣстно автору Тайной Исторіи — указываютъ, что если авторъ примѣняетъ, притомъ неоднократно⁴), къ Юстиніану и Феодорѣ наименование тиранновъ, и высказывается объ ихъ власти, какъ о тиранніи, то употреблять эти слова, подъ вліяніемъ пристрастія, не въ точномъ значеніи власти незаконной. Онъ, повидимому, желая заклеймить этимъ именемъ насильственный характеръ ихъ правленія⁵), нарушеніе Юстиніаномъ и Феодорой обычаевъ, законовъ и гарантированныхъ установленнымъ порядкомъ личныхъ и имущественныхъ правъ ихъ подданныхъ.

Признаками нормального государственного порядка, отвѣчающаго политическимъ убѣжденіямъ автора Тайной Исторіи, является, во-первыхъ, соблюденіе законовъ, дающе, уваженіе къ властямъ, неприкосновенность ихъ и свобода решения; въ-третьихъ, правильное теченіе дѣлъ. Законы и хранители ихъ, магистраты (*ἀρχατ*), выражаютъ въ себѣ идею государства⁶), отъ нихъ исходитъ наказаніе за преступление противъ государственного порядка⁷). Сознаніе обязательности закона весьма живо у автора, будучи связано съ моральными начальствомъ вѣрности и постоянства, *πίστις* и тѣ *βέβαιον τῆς γνώμης*⁸). На сколько

1) Ап. 45₁₂.

2) Ап. 66₂₂.

3) 67₃₋₈.

4) Ап. 90₁₆₋₂₂ 92₁₉ 93₁₁ 125₄ 138₁₂ 159₂₅. Prooem.

5) Ср. Ап. 71, съ 70₁₉, 51₇, 110₃. 11—12.

6) Ап. 47₁₉ 102₆.

7) Ап. 52₂₁.

8) Ап. 86₂ и др.

юридически точно авторъ употребляетъ слово *νόμος*, и не смѣши-
ваетъ ли онъ *lex* съ *edictum*, это можно будетъ видѣть по изученіи
отдельныхъ извѣстій Тайной Исторіи въ сравненіи съ памятниками
законодательства. Можно замѣтить, что *νόμος* и *νόμιμа* употребляется
имъ въ значеніи близкомъ, но не тождественномъ съ моральными тре-
бованіями справедливости¹⁾. Нарушеніе правилъ законнаго судопро-
изводства вызываетъ осужденіе автора, стоящаго на точкѣ зрењія
юриста²⁾. Хранители закона, магистраты (*ἀρχαῖ*) должны имѣть сво-
бодное дѣлопроизводство (*γυνώμη αὐτονόμῳ τὰς φύφους διδόναι*), соби-
раясь въ сенатѣ или въ своихъ присутствіяхъ³⁾. Они должны поль-
зоваться, при исполненіи своихъ обязанностей, почетомъ и само-
стоятельностью⁴⁾. Вмѣшательство Юстиніана и Феодоры называется
въ Тайной Исторіи безразсуднымъ сапоуправствомъ (*αὐτοδιαζόμενος*,
αὐτογυνωμονοῦσα)⁵⁾, новыя требованія этикета работѣствомъ, *δουλο-*
*πρέπεια*⁶⁾. Казнь Феодорою сановника признается тѣмъ болѣе возму-
тительною, что тотъ еще былъ облечень своею властью⁷⁾. Такое
отношеніе оппозиціоннаго писателя къ дѣйствіямъ самодержавнаго
правительства тѣмъ менѣе для нась должно быть удивительно, что
онъ, повидимому, не признаетъ власть автократора принципіально
отличной отъ власти магистратовъ. По его выраженіямъ нельзя
думать, что онъ признавалъ власть первого для себя священной, а
власть сановниковъ производной. Правда, въ отношеніи къ импера-
тору населеніе является подданными (*χατήροι, ὑπήρχοι*)⁸⁾, а въ отно-
шеніи къ правителямъ подчиненными, подвѣдомыми (*ἀρχόμενοι*)⁹⁾, но
такое различіе не выдержано строго въ текстѣ Тайной Исторіи: иногда
вместо *χατήροι* читаемъ *ἀρχόμενοι*¹⁰⁾ и вместо *ἀρχόμενοι* встрѣчаемъ
*ὑπήρχοι*¹¹⁾. Авторъ означаетъ власть императора и магистратовъ одно-
ими и тѣми же словами, говорить одинаково той *αὐτοκράτορος, τιμῆς*

1) Ап. 51₁₅ 88₁₄ 158₃ 165₁₈.2) Ап. 76₁₀—14.3) Ап. 165₁₂—22 88_{10·18} 89₆ 51₁₂.4) Ап. 160₂₃.5) Ап. 88₁₁ 103₂₀.6) Ап. 165_{18·21} 92₂₂—93₁₀.7) Ап. 100₂₀.8) Ап. 86₁₈ 83₁₄ 115_{2·20} 123₁₁ 126₁₇ 129_{1·6} 165₁₇.9) Ап. 120₁₃ 165₁₅.10) Ап. 66₁₂.11) Ап. 121₁₅.

и тοῦ μαγίστρου καλουμένου τιμή¹⁾), ἀρχῆς ἀξίωμα и βασιλέως ἀξίωμα²⁾), ή αὐτοκράτωρ ἀρχή и ή ἐπὶ τοῖς χλέπταις τεταγμένη ἀρχή³⁾). Власть Юстиніана описательно названа властью магистрата, стоящаго во главѣ государства⁴⁾; и хотя мѣсто относится къ Юстиніану до коронованія, но и тогда, по представлению самой же Тайной Исторіи, онъ обладалъ императорскою властью и дѣйствовалъ ея именемъ. Впрочемъ, и власть самого Юстина названа словомъ ἀρχή⁵⁾). Власти и личными качествамъ сановниковъ авторъ придаетъ большое значеніе. Они должны быть опытными, мудрыми, знающими законы, безкорыстными блюстителями справедливости⁶⁾; въ противномъ случаѣ они или позорятъ государство или являются орудіемъ тираниі (τυραννίδος ὅργανον)⁷⁾. Пренебреженіе закономъ и установленными властями ведеть къ третьему признаку тираническаго образа правленія: ко всеобщему разстройству⁸⁾, гибели установленного порядка дѣлопроизводства, къ забвению каждымъ своего мѣста и дѣла. Таковы признаки новаго режима. Этихъ явлений не было въ старое время. Отсюда вытекаетъ третья крупная черта политическихъ воззрѣній автора Тайной Исторіи, его консерватизмъ.

Сожалѣя о разстройствѣ стараго доброго порядка⁹⁾, авторъ въ то же время не безусловный консерваторъ. Онъ дорожитъ старыми порядками, потому что считаетъ ихъ хорошими. Онъ допускаетъ изменения, требуемыя пользой или справедливостью¹⁰⁾). Тайная Исторія съ большой горячностью нападаетъ на новаторство Юстиніана. Авторъ видитъ въ немъ признаки тираниі, желаніе, чтобы все было связано съ именемъ Юстиніана¹¹⁾). Онъ осуждаетъ учрежденіе новыхъ должностей, уничтоженіе и униженіе старыхъ¹²⁾, между прочимъ консуловъ и сената¹³⁾, вмѣшательство Феодоры въ политику¹⁴⁾, различныя зако-

1) Ап. 66₂₂ 136₁₇.

2) Ап. 131₈ (165₃). 67₁₀.

3) Ап. 43₁ 76₁₉.

4) Ап. 53₁.

5) Ап. 53₁₈.

6) Ап. 117₈—14 119₁₇.

7) Ап. 118₇ 123₉.

8) Ап. 47₄—18 71₁₀ 87₁₈ 90₅—10.

9) τῶν εὖ καθεστότων. Ап. 45₁₇ 71₁₀—19 87₁₈ 107₁₉.

10) 71₁₆.

11) Ап. 71₁₇.

12) Ап. 71₁₄.

13) Ап. 144₈ 88₁₆—89₅.

14) Ап. 165 и др. 1

дательныя и административныя мѣропріятія правительства, введеніе этикета въ болѣе стѣснительныхъ формахъ¹⁾, возвышеніе по службѣ лицъ низкаго званія и дурной нравственности²⁾, удаленіе людей старого образа мыслей³⁾, азіатскія неслыханныя моды⁴⁾). Авторъ сожалѣтъ о времени прежнихъ императоровъ, между прочимъ Анастасія: тогда законы и сановники были въ уваженіи, образованіе было распространено⁵⁾, бережливость въ расходахъ соединялась со щедростью на дѣйствительныя нужды населенія⁶⁾). Такова консервативная точка зрѣнія автора Тайной Исторіи. Для него законы и установленія кажутся тѣмъ болѣе священными, чѣмъ они древнѣ⁷⁾). Время прежнихъ императоровъ кажется ему свѣтлымъ прошедшемъ, господствомъ законности и порядка. Его консерватизмъ тѣсно связанъ съ тѣмъ элементомъ его убѣжденій, который можетъ быть названъ конституціонализмомъ.

Переходя къ изученію соціальныхъ взглядовъ автора Тайной Исторіи, дополняемъ характеристику ея политической тенденціи новою существенною чертою. Аристократизмъ автора не имѣеть сословной окраски. Началомъ соціального дѣленія для него служить прежде всего экономическое благосостояніе, достаточность, богатство. Только въ высшихъ кругахъ общества принимается въ расчетъ родовитость. Оба момента одинаково необходимы⁸⁾. Мы не встрѣчаемся въ Тайной Исторіи съ юридическимъ дѣленіемъ римского общества на *plebs* и привилегированныя сословія или корпораціи. Слово *δῆμος* означаетъ въ Тайной Исторіи городское населеніе (организованное въ партіи цирка). Мы находимъ въ ней экономическое дѣленіе, существовавшее въ законодательствѣ въ понятіяхъ *humiliores* и *potentiores*: авторъ выдѣляетъ изъ всего населенія классъ достаточныхъ людей, жившихъ въ столицѣ и въ провинціи, обозначая ихъ неопределенными выражениями *ἐπιεικεῖς*, *ἐπιφανέστεροι*, *εὐδαίμονες*⁹⁾. Подъ ними слѣдуетъ разумѣть, кромѣ сенаторовъ и куріаловъ, всѣхъ лицъ, подходящихъ по своему имущественному или служебному цензу подъ понятіе доста-

1) Ап. 164₁₀.

2) Ап. 117₈ 124₂₀.

3) Ап. 86₁₁ 119₂₁.

4) Ап. 47₂₀.

5) Ап. 44₁₂.

6) Ап. 112₂₃ 128₂₃ 129₂₂ 143₁₃ 146₂₄.

7) Ап. 66₁₈ 88, 165 и др.

8) Ап. 157₃.

9) 19₁₃ 49₆ 63₁ 71₂₁ 77₆ 118₂₁ 129₈ 143₄ (144₂₃) 145₁ 154₁.

точныхъ¹⁾). Для остатальной массы населенія встрѣчаемъ взятые изъ жизни наименованія соціально-экономическихъ группъ по роду занятій: ἀγροῖκοι (*rustici*), γεωργοί (*colonii*), χωρίων κτήτορες (*possessores*), ἐμπόροι, ναῦται, βάναυσοι, χειρώναχτες, τεχνῖται, ἐπιδημιουργοί, στρατιῶται, στρατευόμενοι (*militantes, officiales*), φύτορες (*iurisperiti*) и διδάσκαλοι (*οἱς ἐν λόγοις τὰ ἐπιτηδεύματά ἔστιν*, Ап. 145₅), ιατροί, ἴερεῖς, οἱ ἐπισκηνῆται, προσαιτηταί, ἀγελαῖοι, πτωχοί, λώβη πάσῃ ἐχόμενοι²⁾). Изъ класса достаточныхъ авторомъ выдѣляются лица, принадлежащія къ составу сената³⁾.

Вся эта аристократическая корпорація, или высшее въ имперіи сословіе, называется авторомъ почетнымъ именемъ ἡ σύγχλητος βουλῆ и опредѣляется имъ какъ одна изъ «величайшихъ частей Римской имперіи»⁴⁾. Принадлежность къ составу сената (*βουλῆς ἀξιώματος*) является большою честью⁵⁾ и доступна только лучшимъ людямъ изъ общества⁶⁾. О случаяхъ конфискаціи имуществъ сенаторовъ авторъ передаетъ съ негодованіемъ. Онъ ставить въ вину Юстиніану съ Феодорой истязанія заподозрѣнныхъ ими членовъ сената, пытки, «достойныя рабовъ»⁷⁾, введеніе этикета, какъ унижение аристократіи⁸⁾), вспоминая, что когда-то постановленіе сената, δόγμα τῆς συγχλήτου βουλῆς, предала память Доміціана позорному забвению⁹⁾. Авторъ негодуетъ на привлеченіе рабовъ въ качествѣ свидѣтелей противъ ихъ господъ¹⁰⁾. Изъ среды сенаторовъ выдѣляются первенствующія семейства и отдельные лица, сообразно съ ихъ родовитостью, саномъ патрикіевъ, ипатовъ, съ ихъ служебнымъ положеніемъ¹¹⁾. Патрицію, явившемуся къ Феодорѣ съ просьбой о денежной помощи, авторъ приписываетъ рѣчь о достоинствѣ его сана¹²⁾, запрещающемъ патрицію отказаться отъ уплаты долговъ, о кредиторахъ, не имѣющихъ «стыда передъ его саномъ», о его должникахъ, прибѣгающихъ къ плутовству, «такъ какъ

1) Ср. Ап. 145₁₋₅ съ 128₂₁ и 129₅.

2) Ап. 145₃₋₁₃ и др.

3) Ап. 77₆ 144₂₃ ср. 145₁ и др.

4) Ап. 74₆ 77₈ 79₆ 101₁₁ 144₂₃ 157₁₃ 164₁₂.

5) Ап. 26₁₅ 66₁₇ и др.

6) Ап. 150₁₀.

7) Ап. 26₁₅ 27₆ 94₃ 99₅₋₁₀.

8) Ап. 164₁₁.

9) Ап. 55.

10) Ап. 76₁₂ 99₁₈.

11) Ап. 164₁₃ cf. 165₃. 19₁₆ 78₅ 101₉ 154₂.

12) Ап. 94₂₁-95₁₄.

они не патриції», о печальної необхідності просить помощи у престола. Авторъ цѣнитъ соціальнія различія. Все висше римськое общество представляется ему раздѣленнымъ на цѣлый рядъ общественныхъ группъ, различныхъ по своему сану (*ἀξιωμα*). Бракъ между сенаторами различныхъ чиновъ представляется ему неравнымъ¹⁾, атѣ тѣс *ἀξίας* для одной стороны и ѿтѣр тѣу *ἀξίαν* для другой²⁾). Бракъ между сенаторомъ и гетерой является «не возможнымъ»³⁾. Браки между знатными наслѣдницами и приближенными Феодоры низкаго происхожденія, устроенные Феодорой противъ желанія богатыхъ сиротъ, называются злодѣйствомъ, *μίασμα*⁴⁾ (*piaculum, scelus*). Эти сановники называются авторомъ *ἀγελαῖοι*, *βδελυροὶ πτωχοί*, *ἀπερριμένοι*, что должно означать ихъ незнатное происхожденіе и бѣдность. Такъ относится Тайная Исторія къ насильственному нарушенію общественной іерархіи. Подобное нарушеніе авторъ видѣтъ даже въ роскошныхъ модахъ стасиотовъ⁵⁾. Чувство аристократизма весьма развито у автора Тайной Исторіи. Онъ никогда не забываетъ отмѣтить низкое происхожденіе лицъ, для него ненавистныхъ. Такъ онъ поступаетъ, говоря о Феодорѣ, Антонинѣ, Петрѣ Варсимѣ, Юстинѣ⁶⁾. Въ представленіи о классѣ *εὐδαιμόνων* аристократизмъ автора имѣть экономіческія основанія и окраску, въ его взглядахъ на различные группы висшаго общества — бюрократическая и отчасти политическая, послѣднее въ его представленіи о римскомъ сенатѣ.

Экономіческіе интересы автора занимаютъ въ его міросозерцаніи видное мѣсто. Понятіе богатства соединяется у него съ понятіемъ силы⁷⁾. Насиліе надъ имуществомъ ставится имъ рядомъ съ насилиемъ надъ личностью⁸⁾. Представленіе о личности сопровождается почти постоянно извѣстіемъ о степени ея имущественного благосостоянія⁹⁾. Экономіческія понятія автора весьма не сложны. Народное богатство (*Ῥωμαίῶν πλοῦτος*)¹⁰⁾ онъ представляетъ какъ сумму наличныхъ капиталовъ достаточныхъ классовъ. Значеніе послѣднихъ осно-

1) Ап. 38₁.

2) Ап. 38₂₋₆.

3) Ап. 66₁₇. Ср. 63₂₀.

4) Ап. 101₉. 102₁ с. f. 105₁₉ тѣ *μίασμα τοῦ φόνου*. 157₁₅.

5) Ап. 48₃ cf. 49₁₈.

6) Ап. 12₁₅ 48₃ с. 9. 123₁₆.

7) Ап. 17₃ 150₉ и др.

8) Ап. 45₁₄.

9) Ап. 20₁ 82₁₉ и мн. др.

10) Ап. 54₂ 114₁₈₋₂₁ 166₃ cf. Vand. 423.

вано на обладаніи капиталами, составляющими народное богатство. Ихъ раззореніе является раззореніемъ имперіи. Подъ богатствомъ разумѣются авторомъ деньги и цѣнности (*χρήματα*¹), какъ бываетъ въ эпохи застоя въ экономическомъ развитіи общества. Поэтому вывозъ денегъ за границу, раздача субсидій и дани варварамъ разоряютъ общество и повергаютъ его въ бѣдность²). Наоборотъ, раздача денегъ народу, щедрыя публичныя игры, жалованье чиновниковъ являются источниками народного богатства³). Варвары, жадные грабители, равно какъ и вымогательства Юстиніана, виновны въ разореніи Римлянъ. Впрочемъ, авторъ сознаетъ, что промышленность и торговля являются кормилицами всего общества⁴), и тѣмъ болѣе осуждаетъ таможенные стѣсненія и поборы правительства. Грабежи Юстиніана и его министровъ представляются автору громадными. Юстиніанъ виновникъ общей бѣдности; онъ скрываетъ въ своихъ дворцахъ народное богатство⁵). Его агенты — разорители народа, его сборщики податей — плуты и вымогатели «сикофанты⁶».

Патріотизмъ, основанный на идеѣ римской имперіи и римской культуры, недоступной враждебному миру варварскихъ племенъ и государствъ; приверженность къ политическому порядку, требующему уваженія къ законамъ и властямъ, въ противоположность беспорядочному и тиранническому образу правленія; консерватизмъ, вытекающій изъ воспоминаній о старой государственной и общественной жизни, какъ о болѣе славной, просвѣщенной, законной и свободной; аристократическая симпатія къ высшимъ классамъ общества, выдѣляющимъ богатствомъ, службой, саномъ, происхожденіемъ, обладателямъ государственной власти и народного богатства: эти четыре точки зрењія опредѣляютъ взгляды автора на государство и общество. На нихъ основана его оппозиція правительству Юстиніана. Теперь намъ остается разсмотрѣть, такіе ли политические идеалы выражены въ безспорныхъ сочиненіяхъ Прокопія. Не входитъ въ нашу задачу привести здѣсь всѣ мѣста изъ восьми книгъ Исторіи Войнъ и шести книгъ «О постройкахъ», по которымъ можно изучать политическія убѣжденія Прокопія. Въ виду того, что вопросъ о подлинности Тай-

1) Ап. 77₁₅—₁₈ 32₄ cf. 34₆ и др.

2) Ап. 58₁₄ 166₃ 77₉.

3) Ап. 144₁₉ 188₄.

4) Ап. 138₁₄ (145₁₉).

5) Ап. 54₃ 58₁₄ 166₅.

6) Ап. 129, cf. л. 4. 116₈ 145₁ 155_{15·24}.

ной Исторії собственно не содергитъ въ себѣ изслѣдованія о Прокопії, мы имѣемъ право на подобное ограничение, разъ для него существуетъ возможность въ видѣ работы, уже совершенной съ успѣхомъ, достаточнымъ для нашей цѣли. Сорокъ страницъ монографіи Дана¹⁾, посвященные изслѣдованию политическихъ убѣждений Прокопія, представляютъ свой предметъ не во всѣхъ пунктахъ одинаково разработаннымъ. Противоположность римского міра варварскому по понятіямъ Прокопія разсмотрѣна Даномъ прекрасно и подробно, отчасти потому, что и матеріаль, представляемый Исторію Войнъ, въ этомъ случаѣ особенно обиленъ²⁾). Убѣженіе въ томъ, что интересы варварского и римского міровъ не примиримы и не допускаются во взаимныхъ отношеніяхъ ни вѣрности, ни дружбы, весьма ясно выражено какъ у автора Тайной Исторіи, такъ и у Прокопія³⁾). Римляне отличаются отъ варваровъ своимъ культурнымъ превосходствомъ⁴⁾). Варвары стоятъ ихъ ниже и въ отношеніи нравственности⁵⁾). Персидские стрѣлки слабѣе римскихъ⁶⁾). Въ безспорныхъ сочиненіяхъ Прокопія встрѣчаемъ тотъ же взглядъ на имперію, какъ на государство Римлянъ⁷⁾), то же пониманіе имени Римлянина не въ этнографическомъ смыслѣ, но опредѣляемое принадлежностью къ имперіи, какъ къ высшему политическому и культурному цѣломъ⁸⁾); то же отношеніе къ греческому языку и греческой народности въ имперіи⁹⁾). Менѣе разработаны у Дана другіе элементы политическихъ воззрѣній Прокопія¹⁰⁾). Въ этомъ случаѣ его трудъ не отвѣчаетъ на тѣ запросы, которые являются для изучающихъ Тайную Исторію съ выше изложенныхъ точекъ зрењія. Впрочемъ, для характеристики взглядовъ автора Исторіи Войнъ на внутреннюю политику правительства существуетъ, конечно, менѣе данныхъ, чѣмъ для изученія его антиварварской тенденціи. Въ тожествѣ понятій Прокопія и автора Тайной Исторіи о государствѣ и о государственномъ порядкѣ можно убѣдиться, раз-

1) Dahn, 105—143.

2) Dahn, 111 и далѣе.

3) Pers. 103₁₂. Vand. 313₁₄. Goth. 262₁₂. Aed. 338₂₁. Ср. Dahn, 112—113.

4) Ср. Dahn, 120.

5) Dahn, 122 и далѣе.

6) Pers. 95₂₃.

7) Pers. 18₇. 20. 14₁₃. 16. 22 и т. д.

8) Cf. Ind. hist. ad libros De bellis s. v. Romani. Dahn, 109, 441, 64 Anm.

9) Goth. 93, 313₂₂ 581₁₉. См. Dahn, 110. Ср. еще Vand. 527₆. Goth. 368,

10) Dahn, 134—143.

смотрѣвъ собранные Даномъ случаи употребленія слова *πολιτεία*¹⁾. Выраженія *τύραννος* и *τυραννεῖν*, означающія въ Тайной Исторіи на-сильственный, тиранническій образъ правленія Юстиніана и Феодоры, имѣютъ въ Исторіи Войнъ болѣе точное значеніе незаконной власти; хотя встречаются случаи, подходящіе къ неточному словоупотребле-нию Тайной Исторіи²⁾). Для изученія понятій Прокопія о подданствѣ, обѣ отношеніи населенія къ государственной власти, обращаемся къ словамъ *κατήκοοι* и *ὑπήκοοι*³⁾). Данъ утверждаетъ⁴⁾, что выраженіе *ἀρχόμενοι* замѣнило прежнее *populus Romanus* и такимъ образомъ по-нятіе о подчиненности заступило мѣсто понятія о гражданствѣ. Однако, представление о Римлянахъ, о римскомъ народѣ существуетъ у Про-копія. Въ Тайной Исторіи слово *ἀρχόμενοι* примѣнено къ подданнымъ Юстина для выраженія особаго отг҃енка мысли автора. Замѣчаніе Дано остается не оправданнымъ, и въ его материалахъ слова *ἀρχό-мενοι* мы не находимъ, хотя обѣ *ἀρχή* и *ἀρχων* имъ сдѣлано много со-поставленій⁵⁾). Обязанности личности передъ государствомъ являются для Прокопія ненарушимыми, подданный связанъ сознаніемъ нрав-ственного долга (*τὸ δόγμα*)⁶⁾. Въ Тайной Исторіи языкъ несколько иной. Авторъ негодуетъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія на сла-бость общества и на безхарактерность Велисарія по отношенію къ Юстиніану и Феодорѣ⁷⁾). Но и въ Тайной Исторіи авторъ спасаетъ свое сознаніе обязанностей передъ государственной властью призна-ніемъ императорской четы тираннами, преступающими въ своихъ на-силияхъ законы и обычаи; и тамъ онъ смотритъ на мятежи солдатъ, служащихъ, еретиковъ, стасиотовъ партіи Прасиновъ, какъ на обще-ственное несчастіе. Власть сановниковъ (*ἀρχαῖ*) должна быть велика и независима по понятіямъ Прокопія⁸⁾; мнѣніе автора Тайной Исто-рии намъ уже известно. Понятіе Прокопія о законѣ тожественно съ таковыми же понятіемъ автора Тайной Исторіи, и слова *νόμος*, *νόμιμα* употребляются ими въ одинаковыхъ сочетаніяхъ и оборотахъ рѣчи. Подходящія мѣста изъ сочиненій Прокопія сопоставлены въ прило-

1) Dahn, Anhang, 484.

2) Ibidem, 436.

3) Ibid.

4) Dahn, 143.

5) Dahn, 441—442.

6) Dahn, 143.

7) Ап. 68. 35₁₃.

8) Goth. 283₉ (cf. Ап. 165₁₃). Pers. I, 186₉—14 у Dahn, 139.

женіяхъ къ труду Даня¹⁾). Вообще, для ближайшаго знакомства съ политическими убѣжденіями Прокопія слѣдуетъ обращаться не столько къ самому его изложенію, сколько къ его богатымъ лексическимъ материалямъ²⁾). Не говоря о полнотѣ частностей, весьма важная и интересная группа политическихъ убѣжденій Прокопія, которую можно объединить подъ именемъ конституціонализма, особенно замѣтная при одновременномъ изученіи Іоанна Лідійца, не выдѣлена и не разработана въ нѣсколько бѣгломъ — въ данномъ случаѣ — изложеніи Даня, хотя, повидимому, могла бытъ имъ замѣчена³⁾). Врядъ ли недостатокъ материала помѣшалъ ему собрать болѣе данныхъ для опредѣленія характера аристократизма и консерватизма Прокопія, чѣмъ онъ представилъ въ своемъ изложеніи⁴⁾). Впрочемъ, и словарь Даня, неоцѣнимое въ большинствѣ случаевъ пособіе при изученіи Прокопія, не содержитъ всѣхъ понятій, интересныхъ для знакомства съ политическими воззрѣніями писателя. Термины изъ области государственного быта (или слова, замѣняющія ихъ въ постоянномъ употребленіи), также не всѣ собраны Даномъ: у него нѣть, напр., терминовъ *ἴπαρχος*, *ὑπάρχος*, *ἀριθμός*. Правда, объяснить и отмѣтить термины нельзя безъ изученія эпохи, чего Данъ не предпринялъ. Безспорно, для того, чтобы удостовѣриться въ принадлежности Тайной Исторіи, собранный имъ материалъ вполнѣ достаточенъ. На результатахъ его большого и цѣнного труда основываются позднѣйшіе изслѣдователи. Но въ то же время врядъ ли ошибочно мнѣніе, что по его слѣдамъ нужна не менышая работа. Новое изданіе Прокопія и детальное изученіе времени Юстиніана, надо думать, вызовутъ необходимое филологическое изслѣдованіе. Получивъ опредѣленное представление о политическомъ направлении Тайной Исторіи и убѣдившись въ томъ, что оно не представляетъ никакого противорѣчія съ тѣми взглядами, которые выражены въ несомнѣнныхъ сочиненіяхъ Прокопія, мы этимъ исчерпали существенную часть аргумента о внутреннемъ тожествѣ личности. Взгляды автора Тайной Исторіи не представляютъ въ свойкъ основныхъ пунктахъ — которые, именно, должны служить предметомъ сравненія — ничего несходнаго съ убѣжденіями Прокопія. Этимъ далеко не исчер-

1) Dahn, Anhang, 431.

2) См. стр. 441—442.

3) Dahn, 144: *Patriotismus oder richtiger Politismus*.

4) Dahn, 139. 141. 142. Anhang, 441. 443 и сл. *νεωτερίζειν*, *εἰωθότα*, *ἐπιφανής*, *λόγιμος* и т. п.

пывается содержаніе названнаго аргумента. Но та часть его, которая была разсмотрѣна, позволяетъ отвѣтить на вопросъ о подлинности утвердительно. Это объясняется тѣмъ, что тожество политической тенденціи Прокопія и автора Тайной Исторіи направлено непосредственно противъ подозрѣній Эйхеля и Ранке.

На этомъ можно закончить настоящій пересмотръ вопроса о подлинности. Дальнѣшее изученіе Тайной Исторіи можетъ идти двумя путями. Можно, во-первыхъ, продолжать возстановленіе личности автора Тайной Исторіи посредствомъ синтеза его философскихъ, религіозныхъ, моральныхъ и иныхъ взглядовъ, пользуясь изученіемъ писательскихъ пріемовъ, стиля, языка. Во-вторыхъ, можно обратиться къ аналитическому изученію извѣстій Тайной Исторіи. Первый путь приводить насъ къ вопросамъ, принадлежащимъ къ области болѣе филологического, чѣмъ историческаго изученія. Благодаря Тейффелю и еще болѣе глубокому изслѣдованію философскаго міросозерцанія Прокопія въ трудѣ Дана¹⁾, дальнѣшая работа по ихъ слѣдамъ приводить къ подтвержденію выводовъ, не возбуждающихъ сомнѣнія, и потому представляется лишеніемъ. Съ другой стороны, недостаточно установить, что авторъ Тайной Исторіи хотѣлъ того же самаго, какъ Прокопій. Слѣдуетъ изучить, каковъ былъ кругъ его свѣдѣній, могъ ли онъ быть современникомъ Юстиніана по степени знакомства съ событиями. Требуется узнать, не отличаются ли его извѣстія такимъ незнаніемъ фактovъ, которое исключало бы возможность приписывать ихъ Прокопію. Необходимо изслѣдовать, останется ли за извѣстіями Тайной Исторіи, за освобожденіемъ ихъ отъ свойственного памятникамъ такого рода пристрастія, неточности и беспорядка, приблизительно такая же степень сообразности съ фактами, какая должна быть установлена критикой для извѣстій Прокопія. Въ случаѣ отрицательного отвѣта на эти требованія, никакое тожество идеаловъ и убѣждений не искоренитъ подозрѣнія противъ Тайной Исторіи. Сомнѣніе останется, хотя бы за нимъ не стояло никакого доказательства. Поэтому мы предпочитаемъ второй путь, направляющій наше изученіе на болѣе благодарные и менѣе изслѣдованные вопросы. Анализъ отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи или изслѣдованіе ея достовѣрности имѣть свою важность, свои задачи, свой методъ. Для него вопросъ о подлинности служить введеніемъ. Но связь между обоями вопросами понятна.

1) Dahn, 144—252. 268—286.

Аргументы скептиковъ можно устранить, въ подлинности различными путями можно убѣдиться; недоумѣніе, вызываемое существованіемъ Тайной Исторіи, можетъ быть разрѣшено только критическимъ изученiemъ ея извѣстій, въ связи съ эпохой и при помощи другихъ источниковъ.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).